

Социальное усложнение: тенденции и перспективы

Статья рекомендована И.Ю. Алексеевой 8.09.2017

ОПОЛОВ Павел Валерьевич
*Кандидат философских наук,
доцент кафедры "Философия"
Сибирского государственного
автомобильно-дорожного
университета*

Аннотация

Переход от индустриального общества к постиндустриальному характеризуется взрывным усложнением социальной реальности. В статье обращается внимание на тот факт, что постиндустриальное общество порождает полимодальное коммуникативное пространство, которое трансформирует социальную структуру, видоизменяет и дифференцирует отношения между ключевыми общественными подсистемами, способствует размыванию социальных структур. На место метафоры социального порядка приходит метафора балансирования на краю хаоса. Усиливающаяся социальная фрагментация позволяет рассматривать современное общество как сложное, что требует, по мнению автора, экспликации тенденций социального усложнения.

Ключевые слова:

**информация,
неопределенность,
общество, сложность,
усложнение, фрагментация,
хаотизация.**

Известный британский социолог З. Бауман охарактеризовал своеобразие новейшего периода общественного развития с помощью эпитета «текущая современность». Современность характеризуется ускорением и усложнением социокультурной динамики, ослаблением социальных связей, разрастанием сетевых и информационных структур. Идеи информационного общества и общества знания, с одной стороны, отражают объективные успехи развития науки, с другой стороны, имеют оттенок социально-политической утопии, своеобразного сциентистского рая, где вместо фигуры Бога-управителя используется понятие информации. Обладание информацией, как предполагается, есть ключ к решению всех познавательных и управленческих проблем. Возникает соблазн свести все многообразие проблем общественного бытия, порождаемых информационным обществом, к проблемам организованных множеств.

Неконтролируемое распространение организованных множеств оборачивается гиперусложненностью социальной реальности. В настоящее время метафора «убегающего» сложного мира (Э. Гидденс) приобретает зримые формы. Сложность современных социальных и экономических систем достигает невиданного ранее масштаба. «Невидимая рука рынка» (А. Смит) превращается из метафоры в полноправного субъекта общественных отношений, а «хитрость мирового разума» (Г.В.Ф. Гегель) оказывается воплощенной в идеях неопределенности и сетевой логики информационных систем.

Переход к информационному обществу не был плавным. Британский историк Э. Хобсбаум справедливо отмечает, что «для 80% человечества Средневековье внезапно окончилось в 1950-е годы» [1, с. 288]. Сельский уклад жизни, тысячелетиями определявший социальную и хозяйственную жизнь человека, исчезает довольно быстро. Традиционное общество предлагало человеку

трудную, но понятную жизнь в кругу вековых традиций, ценностей и знакомых поведенческих стереотипов. Человек имел ясное представление о завтрашнем дне. Возможно, что именно с этим связана тоска человека по «деревенской простоте», стремление променять удушливое информационное пространство мегаполиса на деревенский уклад жизни.

Поворот к сложности

Современная социология активно использует термин «постсоциальный» для обозначения расширяющегося спектра социальных форм, которые выходят за границы традиционного понимания социального порядка. Можно выделить два противоположных подхода к характеристике современного общества — с точки зрения роста его упорядоченности или с точки зрения его хаотизации. С одной стороны, современные исследователи по-прежнему заинтересованы в поиске устойчивых оснований социального бытия, инвариантных законов социального развития. С другой стороны, современность демонстрирует противоречивые тенденции, связанные с социальной хаотизацией.

Социальная хаотизация способствует тому, что в настоящем оказывается сокрытым множество альтернативных, а иногда и взаимоисключающих вариантов развития современности. Как подмечают Е. Н. Ивахненко и Л. И. Аттаева, «на этом фоне бесперспективными представляются эссенциалистские подходы, так или иначе связанные со стремлением постичь нечто “изначальное в обществе, его генетический механизм или “всеобщий закон » [2, с. 97]. Социальная устойчивость стремительно снижается вследствие расширения числа социальных связей, увеличения степеней социальной свободы и вариантов развития социального целого. Становится очевидным, что разрушаются ценности, ориентиры и социальные практики, характерные для индустриального общества. В этих условиях опираться на сложившиеся подходы к социокультурной динамике, социальному и коммуникативному взаимодействию значит существенно упрощать ситуацию [3, с. 83, 84]. Общество обнаруживает объекты, которые способны к порождению новых коммуникативных каналов.

Современность носит пограничный, маргинальный характер, где социальное и ценностное расслоение достигает катастрофических масштабов. Хаосу бесконтрольного разрастания социальной сложности, «паутины взаимодействий» необходимо противопоставить не только управление, знание законов функционирования сложных систем, но и новые этические принципы. Внедрение игровых практик в общественные взаимодействия способствует формированию амбивалентной морали, когда проблема добра и зла перемещается в область социальной игры, правил конкретной социальной коммуникации. В результате в сложном социуме возникает глубокий кризис системы морали и нравственности, которая долгое время скрепляла все общественные подсистемы.

Известный английский социолог Дж. Урри указывает на «поворот к сложности» как фактор становления новой парадигмы — интегрирующего знания о сложной современности [4, с. 12]. Сложность рассматривается как фактор перехода общественных наук (наряду с поворотами к мобильности и ресурсам) к новой парадигме. Дж. Урри описывает процесс эволюции форм передвижения

человека. Нельзя не согласиться с тем, что, с одной стороны, переход от хождения к возможности использовать автомобиль и авиасообщение существенно упрощает жизнь человека. С другой стороны, происходит интенсивное расширение и усложнение социального пространства и возможностей для социальной мобильности и социальной коммуникации. Дж. Урри намечает комплексный подход к сложности и выделяет факторы, способствующие усложнению социального бытия: быстрая циркуляция денег, развитие коммуникационных технологий, возникновение глобальных рынков, усложнение технологий и продуктов, возрастание значимости интеграции социальной, биологической и социальных сред, невозможность предсказать развитие процессов или событий, распространение нелинейности в социуме, важность бифуркации, системность и глобализация науки.

Современное общество наделяется такими эпитетами, как техногенное, рискогенное, постиндустриальное, информационное, и не может быть адекватно осмыслено вне понятия «сложность». По мнению В. П. Казарян, «в наше время в мире социальной реальности формируется новая форма сложности, когда бытие человека все в большей степени определяется создаваемой им же самим реальностью» [5, с. 423]. Сложный социум характеризуется увеличением роли информации, революцией в организации и обработке знания. Информационное пространство не только расширяется, но и становится более динамичным и плотным. Обнаруживается зависимость, согласно которой, чем сложнее общество, тем все большие скорости требуются для поддержания его сложности. Если учесть, что скорости современного социума оказываются заданными высокотехнологичными средствами коммуникации и информационными объектами, можно заключить, что пока пределы разрастания социальной сложности еще не просматриваются. Пределом сложности окажутся не возможности техносциальных систем, а возможности (прежде всего психологические) самого человека.

Сложность как фактор социальной неопределенности

Общество становится сложным, что требует соответствующей методологии его познания. Позитивистская трактовка социальной реальности как структурно-функционального единства, в основе которого лежат представления о социальном порядке, оказывается более «простой» чем, скажем, «понимающая» социология М. Вебера. Достоинство позитивизма и последующего структурного функционализма как раз и состоит в наличии представлений о простом системообразующем принципе, лежащем в основании социальной реальности. Социология социального действия, начиная с М. Вебера, предлагает куда более сложную картину социальной реальности, в которую оказываются вплетены отдельные личности, мотивы, смыслы, ценности и цели. Социальная реальность — это не только структуры и функции, но и неопределенность, заданная субъективным осмыслением личностью своих собственных поступков, пространством человеческих отношений. Феноменологическая социология еще больше углубила субъективизм в социологии, усложнив картину социального действия. Всякое социальное действие оказывается «причудливым сплетением петель обратной связи», «повторением одного и того же в ином контексте опыта» [6, с. 169]. Возможные последствия

социального действия оказываются непрогнозируемыми, обнаруживают каскад возможных последствий, что позволяет рассматривать социальную реальность как пространство неопределенностей и рисков.

Знаковой попыткой преодолеть субъективизм и описать социальную действительность как открытую, сложную, самоорганизующуюся систему стала социология Т. Парсонса. Процессуальность социальных систем оказывается заданной действиями самого человека. Особое внимание Парсонс обращает на обратную связь: не только человек воздействует на общество, но и общество влияет на человека. Несмотря на то, что действия человека подчинены его сознанию и воле и не могут быть полностью детерминированы, они оказываются заданными свойствами самой социальной системы. Действия человека как социального субъекта не предопределены, но ограничены его существованием в рамках социального целого.

Классическая социология не учитывала фактора социальных катастроф как проявления социальной сложности. На фоне современных социокультурных трансформаций социальные катастрофы выглядят естественно, являются побочным продуктом функционирования социальных систем. Вместе с тем в условиях социальной нестабильности и кризисных явлений в различных сферах общественной жизни неконтролируемые социокультурные трансформации становятся источником социальной и культурной дестабилизации.

С. А. Кравченко связывает социальную сложность с формированием нового типа рациональности, позволяющей взглянуть на общество в новом контексте [7]. В другой работе этого автора отмечается, что усложнение стимулирует осмысление противоречивого воздействия целого ряда новых социальных практик [8].

Современное общество живет в условиях нестабильности и риска, которые порождаются неопределенностью. Как справедливо отмечает Е. Н. Князева, «неопределенность имманентно вписана в само представление о сложности мира. Неопределенность означает незавершенность всякого процесса познавательной и практической деятельности, непредзаданность, открытость и нелинейность исхода этой деятельности» [9, с. 22]. Существует так называемый закон непредвиденных последствий, в соответствии с которым любое вмешательство в сложную систему может привести или не привести к желаемым результатам, но наверняка приведет к непредвиденным последствиям. Можно сказать, что чем сложнее общество, тем чаще мы сталкиваемся с неопределенностью. Если учесть, что социальное усложнение является своеобразной реакцией на неопределенность, которая порождается внешними или внутренними факторами, то получается, что общество всегда вынуждено усложняться.

Чем сложнее наша социокультурная среда и чем больше мы предпринимаем действий для преодоления социокультурной сложности, тем больше у нас шансов столкнуться с неопределенными и принципиально непредсказуемыми последствиями еще большего масштаба. Рост социальной сложности делает общество более уязвимым, подверженным социальным катастрофам: «Ожидания будущего, планирование и прогнозирование все в большей мере расходятся с действительностью, приобретают многовариантность, так как в условиях чрезмерно сложной реальности почти любой прогноз может встречаться с бифуркационными процессами, вступать в зону неопределенности и вероятности»

[10, с. 205]. Вместе с тем ссылки на «естественные аварии», «зоны неопределенности», неизбежно возникающие вследствие гиперусложненности, иной раз позволяют утаивать неверные решения, скрывать собственную некомпетентность или замалчивать неоправданные риски. В этом случае личная ответственность как бы исчезает, подменяется игрой случая — неизбежным следствием жизнедеятельности сложных систем.

Сетевые структуры и рост социальной сложности

Морфология современного общества оказывается заданной его сетевой структурой, что способствует фрагментации социального пространства. Можно говорить о том, что формат интеракций задается не только субъектом, но и информационными объектами, электронными устройствами. Наряду с отношениями типа «субъект–субъект» появляются отношения «субъект–электронное устройство–субъект», «субъект–сетевая структура–субъект» или даже просто «субъект–электронное устройство». Увеличивается скорость социальной интеракции, которая оказывается заданной сетевой логикой, подчиняющей себе ее участников. Как подметил М. Кастельс, «информационная парадигма и сетевое общество порождают систематическую пертурбацию в порядке следования явлений» [11, с. 431], а сама «пертурбация может принимать форму сжатия временных промежутков между событиями... или же случайных разрывов в последовательности событий» [11, с. 433]. Многие отсроченные социальные практики в виртуальной реальности оказываются мгновенными. Подобного рода мгновенности человек начинает ожидать и в реальности.

Для поддержания своего существования информационное общество вынуждено подменять витальные потребности виртуальными потребностями, которые в дальнейшем становятся стимулами потребительского поведения. Человек начинает рассматривать виртуальные вещи как реальные, поскольку они оказывают воздействие на его статус, самооценку, внутренние переживания. Скажем, в социальных сетях и видеохостингах популярной является метрическая система рейтингов — «лайков», которая призвана оценивать их участников, ранжировать их популярность у аудитории. «Статусы», «лайки», «комментарии», «репосты», «твиты» — все это начинает переживаться человеком как реальные социальные отношения. Общение с подписчиками посредством виртуальной реальности осмысливается как форма социального взаимодействия.

Социальная система, которую можно было рассматривать как «вещь», уходит в прошлое, а на ее место приходит сложный социум, который находится в состоянии перманентного становления. Ускорение социокультурной динамики порождает ситуацию, когда люди, сосуществующие в одной культуре и в одном обществе, оказываются в различных «темпомирах» [8, с. 22]. Высказывание Л. Фейербаха о том, что «во дворцах мыслят иначе, чем в хижинах» [12, с. 26], приобретает не только социально-политический, но и онтологический оттенок. Мы начинаем не только мыслить по-разному, но и жить в разных мирах, порожденных информационной сложностью. Эти виртуальные миры порождают реальные риски (политические, культурные и экзистенциальные), отражаются в сознании человека, который существует одновременно в разном социокультурном

времени и пространстве, что еще больше способствует социальной атомизации и культурной сегментации. Общим делом оказываются социальные катастрофы (которые, однако, переживаются по-разному) и императив потребления.

В поисках цветущей сложности

Модель «тяжелой современности» в духе фордизма (общество как «мегамашина», завод, подчиняющийся строгому распорядку), образов антиутопий, неоталитаризма, «большого брата», вытесняется образами «текущей современности» (З. Бауман), «общества риска» (У. Бек), «убегающего сложного социума» (Э. Гидденс). Социальной действительности приписываются такие атрибуты, как пластичность, неоднородность, сложность и противоречивость. Необходимость существовать в непрерывно изменяющемся социуме требует психологической лабильности и выработки навыков социальной мобильности, способности адаптироваться к потоку социальных практик, что негативно отражается на этических ценностях. Социальные практики освобождаются от необходимости соответствовать этическим принципам. В современности не система ценностей обуславливает социальные практики, а, скорее, наоборот. В условиях сложного социума не только формируются новые типы рациональности, переосмыслиются пространственно-временные отношения, но и закладываются основания для возникновения человека нового типа. Любые долгосрочные отношения ставятся под сомнение. Человек все больше стремится к независимости от «другого», сторонится коллективных действий, а следствием становятся социальная фрагментация и децентрализация.

Как это ни прискорбно, но социум нового типа не демонстрирует нам пример «цветущей сложности». Социальная действительность демонстрирует противоречивые тенденции усложнения. Стремление к теоретическому монизму в описании социальной действительности, поиск централизованных механизмов социального управления сочетается с социальной хаотизацией, фрагментацией и децентрализацией. Эти тенденции усиливаются возрастающей неопределенностью и рискогенностью социальной реальности. Фрагментация стимулируется распространением сетевых структур, часть которых становится посредником или непосредственным участником социальной интеракции. С одной стороны, мы наблюдаем видимое многообразие социальных форм. С другой стороны, подобное разнообразие приводит к нарастанию однородности человеческого сознания, примитивизации мышления, фрагментации и маргинализации социальной действительности.

ЛИТЕРАТУРА

1. NOBBSAWM E. **The Age of Extremes: A History of the World**, 1914–1991. N.Y.: Vintage, 1994.
2. ИВАХНЕНКО Е.Н., АТТАЕВА Л.И. **Аутопозис «эпистемических вещей» как новый горизонт построения социальной теории** // Вопросы социальной теории. 2013. №1. С. 96–106.
3. ДРУЖИНИН А.М. **Коммуникативные аспекты экономики знаний** // Проблемы государственного управления, экономики, юриспруденции и психологии. Сб. научных трудов. Выпуск 2. М.: Институт управления и права, 2014. С. 79–97.
4. URRY J. **Global Complexity**. Cambridge: Polity Press, 2003.
5. КАЗАРЯН В.П. **Сложность как характеристика постнеклассической науки** // Российский гуманитарный журнал. 2014. Т. 3. № 6. С. 417–424.

6. СМИРНОВА Н.М. **Понятие сложности в когнитивном анализе коммуникативно-смысловых характеристик социальной реальности** // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2013. № 1 (129). С. 169–175.
7. КРАВЧЕНКО С. А. **Переход к сложному, нелинейно развивающемуся социуму: вызовы для России** / С. А. Кравченко // Вестник МГИМО. 2012. №1. С. 211–220.
8. КРАВЧЕНКО С.А. **Сложный социум: востребованность поворотов в социологии** // Социологические исследования. 2012. № 5. С. 19–28.
9. КНЯЗЕВА Е.Н. **Инновационная сложность с позиции энактивизма** // Философский журнал. 2013. № 1 (10). С. 121–134.
10. ИЛЬИН А.Н. **Наше потребительское настоящее**. Омск: Изд-во ОмГПУ, 2016.
11. КАСТЕЛЬС М. **Информационная эпоха: экономика, общество и культура** / Пер. с англ. под науч. ред. О.И. Шкаратана. М.: ГУ ВШЭ, 2000.
12. ЦИТ. ПО: ЭНГЕЛЬС Ф. **Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии**. М.: Изд-во политической литературы, 1970.